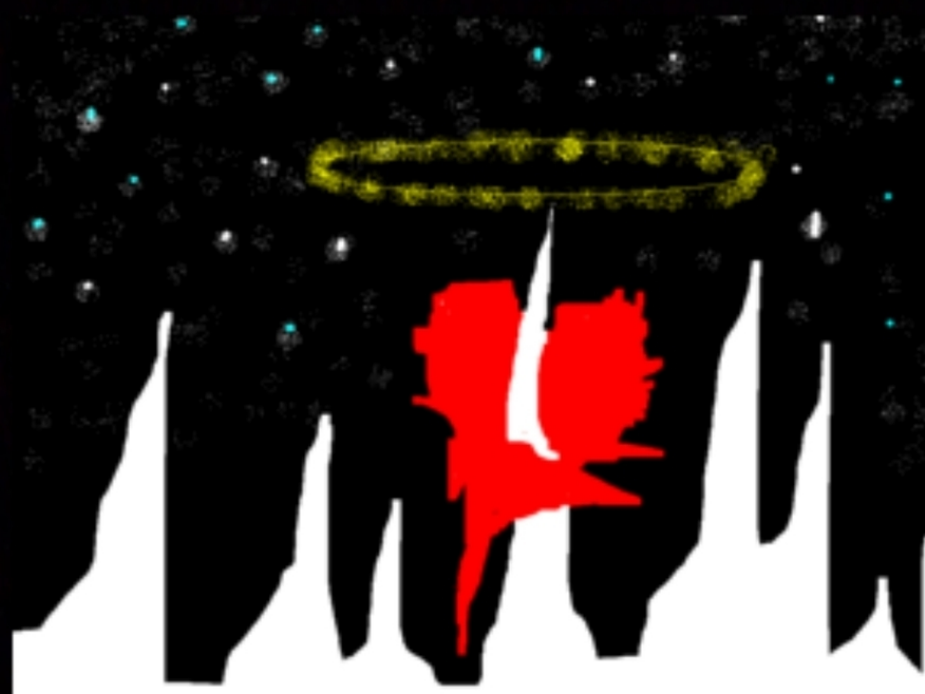

МИЛА СЕРБИНОВА

РИФЫ ЛЮБВИ

16+

Мила Сербинова

Рифы любви

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сербинова М.

Рифы любви / М. Сербинова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Насилие и жестокость, проявленные к человеку, могут повлечь за собой гибель невинных людей. Торжество справедливости не всегда вписывается в рамки закона. Эгоизм и безразличие близких людей могут привести к краху их собственные жизни. Главная героиня романа Лика пережила слишком много несчастий и трагедий для своего юного возраста. Трудности закалили ее характер и породили циничного монстра, лицо которого довелось увидеть лишь тем, кто сам явился причиной собственных несчастий. «Рифы любви» — это второй роман из серии «Убийцы поневоле».

© Сербинова М., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава первая. Погубленные души	6
Глава вторая. Ядовитое яблочко	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ни один человек не может стать более чужим, чем тот, которого ты в прошлом любил.
Эрих Мария Ремарк

Глава первая. Погубленные души

Весна взорвалась буйством цвета, солнца и ароматов. Яркое небо как будто отражалось в голубых глазах влюбленной до безумия Лики. Восемнадцатилетняя Лика Сафинова заканчивала первый курс экономического факультета Университета экономики и права. Ей даже хватило баллов ЕГЭ для поступления на бюджет. Еще утром Лика шла как будто по облаку. Она никогда ничего подобного не чувствовала. Ей хотелось превратиться в птицу и взлететь в эту бездонную высь голубого неба. Она отныне будет учиться и жить возле него – Ромы Вишневого. Ромка пообещал поговорить с мамой и переехать в квартиру к Лике. Он встретил ее утром перед занятиями и интригуяще предложил поговорить о чем-то очень важном после занятий.

Лика с Ромой начали встречаться чуть ли не сразу после поступления. Они были неразлучны весь год. Рома учился на юриста в том же университете, что и Лика. Когда они впервые увиделись в приемной комиссии, они не могли оторвать глаз друг от друга. Легкие, дружеские и, одновременно, романтические отношения между двумя семнадцатилетними ребятами возникли менее, чем за месяц. На зависть однокурсникам, они были неразлучны. Кто-то умилялся, глядя на эту прекрасную пару, кто-то тихо завидовал, стараясь не сильно это показывать. Они оба впервые познали, что такое любовь, первый поцелуй, волнующие прикосновения, нежность и жаркая страсть...

О таких отношениях все девчонки и парни вокруг могли только мечтать. Другие ребята их возраста рассказывали друг другу либо о мелких достижениях на любовном фронте, либо о своих несчастьях и трагической безответной любви. Все, только не Лика с Ромой. У них все было слишком хорошо, чтобы длиться долго. Был единственный враг их огромной любви – мать Ромы. Она, даже ни разу не увидев Лику, почему-то ее сильно невзлюбила. Ее раздражало то, что Лика не москвичка, а приехала из Краснодара. Ее возмущало, что эта девчонка не считая тратит деньги своих родителей, при том, что она трусится над каждым рублем, чтобы Ромочка ни в чем не нуждался. И вообще, почему у этой девчонки должна быть легкая жизнь и счастливые отношения с семнадцатилетнего возраста, когда она – Валентина Павловна Вишневская, за всю жизнь так и не нашла ничего, даже отдаленно похожего на любовь. Она родила Ромку, отчаявшись выйти замуж, когда ей было далеко за тридцать, от женатого человека. Позднее она не на долго вышла замуж за красивого, вечно нуждающегося в деньгах мужчину, моложе ее на девять лет, но этот мезальянс по понятным причинам продлился не долго. Ромка красавчик и умничка и таких Лик в его жизни будет еще очень много, в этом она нисколько не сомневалась. Вообще кто такая эта Лика? Откуда вообще она взялась? Наверняка очередная провинциалка, которой нужна только московская прописка и их квартира. Она не раз пыталась привить Ромке мысль, что московская квартира – это не шутка. За такое сокровище хваткие провинциальные девицы могут изобразить самые неземные чувства. Но Ромка был как заколдованный. Он и слышать ни о чем не хотел. Для него за последний год вся жизнь сконцентрировалась вокруг Лики.

Вначале Валентина Павловна не хотела даже слышать имени Лика, но, поняв, что все доводы безуспешны и Ромка останется при своем мнении, она решила изменить военную тактику. Она предложила сыну, наконец, позвать в гости Лику, сказав, что мечтает познакомиться с любимой девушкой сына. Ромка был счастлив. Он встретил Лику после занятий и сообщил ей эту потрясающую новость. Лика по простоте душевной подумала, что раз любимый представляет маме, значит, речь идет о чем-то серьезном и не за горами свадьба. Как она мечтала о свадьбе, роскошном белом платье, похожих на разноцветные конфетки подружках невесты и, конечно же, собственном принце из любимых детских сказок. С такими мыслями она прожила весь день. Но все изменилось в этот вечер.

Ли́ка, как окаменевшая, сидела, вжавшись с заднее сидение такси и не имела сил даже пошевелиться. Горючие слезы текли по ее щекам и падали на тонкий воздушный шелк блузки. Эти слезы должны были, как кислота, прожигать насквозь все, чего касаются. Они должны были прожечь до костей лицо, по которому бессовестно лились ручьем, несмотря на удивленный взгляд таксиста, вызывая его недоумение, смешанное с сочувствием. Они должны были насквозь испепелить легкую одежду Ли́ки и даже, наверное, прожечь сидение машины. Но всего этого почему-то не было. Огненные слезы Ли́ки лились из-за разбитого сердца и могли прожечь только ее душу.

Почему Ромка позволил так говорить с ней. Мороз пробежал по коже об одном лишь воспоминании об этом ужасном вечере. Вначале вроде было все нормально. Накрытый стол. Нарядное платье хозяйки дома ради такой долгожданной гостьи. Но за каждым словом мамы Ромы стояла стена холодного презрения и даже теплые слова сочились ядом. Рома сидел молча. За весь вечер слова не сказал. Только Валентина Павловна со змеиной улыбкой допрашивала Ли́ку, унижая ее каждым словом и жестом, несмотря на внешнее благодушие. В ушах Ли́ки до сих пор звучали слова этой странной женщины:

– У нас в роду не было ни сумасшедших, ни разведенных, – сказала она в ответ на слова Ли́ки о разводе родителей.

Но самым ужасным был необъяснимый холод в отношении Ромки, когда он усаживал ее в такси. Как он сухо поцеловал ее в щеку, как будто плюнул.

– Ремонт дороги, видите? Дальше дороги нет. Придется идти пешком, – вывел Ли́ку из размышлений таксист.

Она огляделась по сторонам. Действительно, вся дорога была перерыта, машина бы не проехала. Она расплатилась и вышла. Если идти через дворы, не потребуется и пяти минут. Она шла по-прежнему погруженная в свои невеселые мысли.

Шагов за спиной Ли́ка не услышала. Нападение было молниеносным. Ее сзади схватили за волосы и, слегка оглушив ударом по шее, потащили за гаражи. Насильнику не пришлось долго возиться с одеждой Ли́ки. Погода была даже слишком жаркой для середины мая. На Ли́ке кроме невесомого нижнего белья были надеты короткая синяя развевающаяся юбка из легкой ткани и воздушная шелковая бело-розовая блузка. Ли́ка, прижатая лицом к стене, не видела насильника. Она только чувствовала его твердые пальцы на своей груди. Пальцы нагло шарили по всему телу, причиняя боль и вызывая омерзение. Ли́ка попыталась закричать и даже прошлась ногтями по шее подонка, но тут же была наказана ударом головы об стену. С разбитого лба потекла по лицу теплая струйка крови. Кричать сразу расхотелось. Сорванные стринги полетели в сторону. Насильник, обжигая горячим дыханием затылок Ли́ки, жестко ее трахал. Полупридушенная, вжатая в стену Ли́ка едва могла дышать. Она даже не кричала, а скорее тихо рычала. Наконец все кончилось. Насильник отпустил ее, застегнул штаны и быстро ушел, не сказав ни слова.

Не желая верить в случившееся, Ли́ка по-прежнему стояла лицом к стене. Она не смела пошевелиться, хотя и знала, что Он ушел. Ноги у нее подкосились, она тихо сползла вдоль стены и упала на землю. Ли́ка лежала в пыли, не в силах сдвинуться с места. В тусклых отблесках света дальних фонарей она увидела поблескивающий на земле предмет. Не отдавая себе отчета в том, что она делает, Ли́ка машинально подняла этот блестящий предмет. Оказалось, это порванная золотая цепочка с какой-то подвеской, сорванная с шеи насильника. Усилием воли Ли́ка заставила себя подняться. Она все-таки доплелась до своей квартиры. Ее тошнило и внутри все болело. О том, чтобы пойти в полицию и речи быть не могло. Она умерла бы от стыда, стань известно кому-то о случившемся. Допросы, протоколы, унижительное медобследование и судмедэкспертиза... О, нет! Об этом ужасе никто никогда не должен узнать. Она просидела в ванной больше часа. Вслух рыдая, Ли́ка стояла под душем, ненавидя свое тело и свою жизнь. Рана на лбу посинела и вспухла. Нужно было что-то с ней делать.

– Скажу всем, что упала в темноте на лестнице. Все знают, что в подъездах вечно разбиты лампочки. Такое объяснение никого не удивит, – подумала Лика, немного успокоившись.

Она перерыла всю аптечку, но кроме пачки презервативов, аспирина и женских тампонов, ничего в ней не обнаружила. Пришлось звонить в дверь соседке напротив, Алине Петровне. Сорокалетняя женщина, похоже, уже спала. Время было за полночь. Она сонно и испуганно смотрела через щель между цепочкой и дверным проемом. Узнав Лику, она выдохнула с облегчением.

– Господи, Лика, что случилось, девочка моя? – окончательно проснувшись, сказала она, с беспокойством глядя на юную соседку с разбитым лбом в белом махровом халате и розовых мохнатых тапочках.

– Простите, ради Бога, Алина Петровна! Я поздно вернулась. У нас внизу, как всегда, была темень и я навернулась, как видите. У меня в аптечке ничего не нашлось для раны. Может у вас есть перекись или что там еще мажут на раны? – как можно спокойнее сказала Лика, стараясь ничем себя не выдать.

– Ой, бедненькая девочка! Конечно, найдется и перекись и йод. Проходи, – сказала сердобольная соседка, захлопнув дверь, чтобы снять цепочку.

Лика прошла в открытую дверь. Она раньше никогда не заходила в квартиру Алины Петровны, но там было все в точности так, как она себе представляла, должно быть в квартире школьной учительницы. Просто и бедно. Старая совкового времени мебель, доставшаяся по наследству от родителей, много книг, стол, заваленный бумагами, старый пузатый монитор едва работающего компьютера.

Лика присела на диван, пока Алина Петровна ходила за аптечкой. Рану сильно пекло от перекиси. Кровь перестала сочиться, но голова болела очень сильно.

– Будет синяк, – уверенно сказала Алина Петровна. – Посиди немного, потом я намажу йодом и наклею пластырь.

– Спасибо вам огромное, Алина Петровна, – сказала, уходя Лика.

– Завтра на занятия пойдешь? – спросила соседка.

– Да, нужно обязательно пойти на консультацию перед экзаменом, – почему-то осипшим голосом ответила Лика.

– Я вернусь с работы около шести. Зайди ко мне вечером, я тебе еще раз смажу ранку. Должно быстро зажить, – сказала Алина Петровна, пытаясь подавить зевание.

Поблагодарив соседку, Лика вернулась к себе в квартиру. Она пыталась убедить себя, что со всем этим справится. Лика всю ночь металась по квартире, но так и не смогла успокоиться. Из распахнутого окна одуряюще пахло цветами. От этого буйства весны Лике захотелось по-волчьи завывать.

– Ромка, мерзавец! Ублюдок! Даже не позвонил, узнать, как я добралась домой. Небось, мамаша запретила. Какая злобная женщина! Тва-а-а-ри! Ненавижу-у-у! – раздраженно вслух прокричала Лика свои мысли пустой комнате и ночной тишине.

Лика сидела на подоконнике и, глотая слезы, злобно думала:

– Чем это, интересно, я ее сынку не подхожу? За мной в университете такие парни бегают, а я дура заиклилась на этом недоумке. Без мамашиного разрешения шагу ступить не может. Какая ничтожная мразь он все-таки. Я не могу так жить и не хочу!

Лике казалось, что на ней крупными буквами написано все, что с ней произошло. Она не могла представить, что увидит Ромку, посмотрит ему в глаза. Она не представляла, как пойдет на занятия в университет и будет, как прежде, непринужденно болтать с одногруппниками. Она больше не сможет гордо, свысока, как раньше, смотреть на людей. Ее растоптали! Уничтожили! Не было ни одного человека, которому она смогла бы довериться, все рассказать. Мама ждала ребенка от своего нового мужа и ее нельзя было волновать. Да и что бы она сделала – приехала в Москву на восьмом месяце? Зачем? Чем бы она помогла? Случившегося ведь все

равно не изменишь! Папа бы приехал и, скорее всего, поднял бы такой шум, что чертям в аду тошно станет. Он бы набил морду Ромке за то, что не проводил свою девушку до дома. Свою девушку... Лика усмехнулась от одной лишь этой мысли. С Ромкой все кончено, это понятно. Он не способен бороться за свою любовь. Не способен, а быть может и не хочет. Да и любит ли он ее? Если бы любил, наверное, не позволил бы своей маме унижать ее. Лика задумалась.

– Никому я не нужна! Если я умру, никто особо и не огорчится. Мама с папой, конечно, немного поплачут, но у них есть другие свои дети. У папы с его Аленой два пацана. Лика очень любила этих мелких драчунов Мишку и Антошку. Ей стало грустно, что она не увидит больше никогда своих маленьких братишек. Папу она любила больше всех. Его всегда грустные черные глаза и мрачноватые, колкие шутки очень нравились Лике. Папа такой надежный и правильный. Жаль, что часто видеться с отцом не получалось. Папа очень огорчится, а вот мама... Мама была занята собой и своим будущим материнством. Ее красивый молодой муж терпеть не мог Лику. Решение отправить ее учиться в Москву стало облегчением для всех. Денег не пожалели. Сняли отдельную квартиру, щедро пополняли банковский счет. Главное, чтобы девочка ни в чем не нуждалась и не путалась под ногами. Лика высунулась из окна третьего этажа. Снизу был газончик с аккуратно подстриженной зеленой травкой и редкими чахлыми красными тюльпанами.

– Да... С такой высоты прыгать только дура будет, – с досадой подумала Лика. – Ноги переломаю и только! Лучше с крыши.

Она, как была, в белом махровом халате и меховых розовых тапочках вышла на лестничную площадку и пошла вверх по лестнице. Бесшумные механические шаги отчаявшейся девчонки по лестнице в никуда. Ступенька... Еще ступенька... Еще... Бесконечная дорога на шестнадцатый этаж, наконец, была закончена. Дверь на крышу никогда не закрывали. Там жильцы дома оборудовали зону отдыха. Стояли столики, пластиковые кресла, шезлонги. Много цветов и деревьев в горшках делали обычную бетонную крышу многоэтажки сказочным уголком тишины и спокойствия в этом шумном мегаполисе.

Лика, не понимая зачем, обошла по периметру всю крышу дома, затем подошла к высокой решетке ограждения. Внизу горели тысячи огней. Уличные фонари, зазывно мерцающие вывески и витрины, поредевший поток подмигивающих фарами автомобилей. Высота пьянит и завораживает, как и глубина. Лика долго смотрела на ночной город сквозь прутья решетки. Казалось, она взлетит, стоит перелезть через ограждение и сделать шаг в пустоту. Ее каким-то чудовищным магнитом тянуло вниз. Лика ловко перелезла через решетку и вот она уже стоит на краю. Еще шаг...

– Ну же! Решайся, Лика! Всем станет только лучше... – подумала Лика, стоя на самом краю крыши шестнадцат этажки.

– Нет! Девушка, не делайте этого! Ничто этого не стоит! – услышала Лика за спиной мужской голос.

Ее передернуло от этого незнакомого мужского голоса за спиной.

– Может это вернулся тот насильник? – в панике подумала Лика.

Она шарахнулась в сторону от голоса. Мужчина перелез следом. Он стоял на краю крыши перед ограждением за спиной Лики. Ей стало жутко. Казалось, все повторяется. Он сейчас схватит ее! Нет... Она больше не позволит так с собой поступить никому! Лика почувствовала мужскую руку на своем плече. Она резко ударила его локтем в грудь. Не ожидавший такой «благодарности» за попытку спасения неизвестной девушки мужчина потерял равновесие и, не успев понять, что произошло, камнем полетел вниз. Полет закончился для него быстро. О приземлении округу оповестил взорвавший тишину вой автомобильной сигнализации. Припаркованный под окнами серебристый Мерседес стал еще одной невинной жертвой этой безумной ночи.

Лика, как лунатик, внезапно проснувшийся над пропастью, испуганно озиралась вокруг. Она боялась смотреть вниз. Быстро перепрыгнув через решетку, она бегом слетела вниз по лестнице и захлопнула дверь своей квартиры.

– Боже мой! Что же я натворила!

Как испуганный зверек, Лика забилась в угол дивана, с головой спрятавшись под одеяло. Ее била крупная дрожь. Просидев так до утра, обессиленная Лика поудобнее устроилась на диване и крепко уснула. Она почти не слышала встревоживший ночной сон жителей ближайших домов вой сирен полиции и скорой. Лика тогда еще не знала, что с крыши в ту роковую ночь она столкнула ни в чем не повинного отца троих детей, тридцатипятилетнего Максима Викторовича Ключева. Утомленный несмолкаемым ревом четырехмесячного сына, он среди ночи вышел на крышу покурить. Курение его и погубило. Никто не мог понять, что вынудило покончить с собой успешного предпринимателя и счастливого отца семейства. С женой они жили дружно, бизнес держался на плаву, в криминальных разборках он тоже, вроде, не участвовал.

Лика оказалась убийцей поневоле. Она рассеянно вертела в руках «трофейную» золотую цепочку с необычной подвеской. Она не могла понять, какой мужчина станет носить такую странную вещь? Подвешенный за вершину золотой треугольник, внутри которого белый круг, а по центру круга черная буква «М». Наверное, эта вещь была важна для ее владельца и что-то значит. Лика подумала:

– Нашла бы подонка, собственными руками бы все ему оторвала и засунула в пасть. Ненавижу! Не могу! Нет! Не буду никогда об этом вспоминать, иначе я не смогу жить. Надо все оставить в прошлом. Я забуду об этом, обязательно! Но как мне в каждом встречном не видеть Его? Если я его встречу, то даже не узнаю!

Лика боялась даже думать о том, что произошло на крыше. Она убила человека... Ей придется с этим жить. Да, оглядываться назад времени не было. Время не ждало. Разгар сессии. Зачеты, экзамены, а потом производственная практика. Лика вообще не любила оглядываться назад. Смотреть и идти нужно только вперед. Все лишнее от жизни нужно отсекают и навсегда оставлять в прошлом. В прошлом останется эта безумная ночь, в прошлом навсегда остался расплющенный на новеньком Мерседесе сердобольный сосед, в прошлое будет выброшен из ее жизни и Ромка.

Лика продолжила учебу в Университете управления до конца года, но видеть Ромку каждый день было выше ее сил. После сдачи летней сессии и практики она перевелась в Московский институт архитектуры и дизайна (МИАД). Лика давно мечтала стать дизайнером, но мать все время твердила, что мода на эту профессию скоро пройдет, а хорошие управленцы всегда нужны. Творческой натуре Лики было тесно на скучных занятиях по менеджменту. Диплом начальника еще не является гарантией того, что станешь большим человеком. Лика считала, что командовать другими людьми – это предел мечтаний людей, обделенных какими-либо способностями и талантами. Она не понимала, почему талантливые ученые, артисты, спортсмены бросают свое любимое дело и, в погоне за большими деньгами, становятся посредственными администраторами.

Уладив все формальности, связанные с переводом в МИАД, Лика могла, наконец-то, вернуться в родной Краснодар. Последние семь лет она жила с матерью, но появление Игоря сделало ее жизнь в родном доме невыносимой. Он постоянно к ней придирался, был чем-то недоволен. Лике было бы это все безразлично, если бы ее родная мать не всегда принимала сторону своего молодого мужа. Лика во всем и всегда была виновата. Виновата, что поздно пришла домой. Виновата, что после занятий не все из длинного списка купила в магазине. Виновата, что пересолила суп, как будто его не могла сварить ее нигде не работающая, вечно изнуряющая себя фитнесом и салонами красоты мать.

Мать Лики и вправду выглядела как ровесница дочери. Они с ее отцом поженились, когда им было по девятнадцать лет. Оба были слишком молоды для семейной жизни. Виктория – так звали маму Лики, была слишком красива для одного мужчины. Отгламуренная блондинка из крошечного городка на юге страны с детства мечтала о роскоши и бурной жизни большого, богатого развлечениями города. Когда ей встретился богатенький, нескладный паренек Петя, влюбившийся в нее с первого взгляда, она даже не знала, радоваться ей или огорчаться. Она явно не о таком «принце на белом коне» мечтала все ближайшие пять-семь лет. С другой стороны, Петя был сыном владельца крупной региональной торговой сети. Образованный, воспитанный, интеллигентный мальчик потерял голову при виде томных, бездонных глаз Виктории. Он таскался за ней всюду, как ниточка за иголкой, чем безумно ее раздражал. Был один уха-жер у Вики – богатый, красивый банкир в роскошных костюмах, ездивший исключительно на Мазератти. От него она просто млела. Но он, несмотря на бесконечные обещания развестись с женой, оставался со своей благоверной, а Вике лишь дарил крохи своего времени, чувств и содержимого кошелька. Виктория забеременела от Эдуарда, но он о ребенке даже слышать не хотел. У него и так было четверо «спиногрызов», как он называл своих детей. Еще один, да к тому же внебрачный, ему точно не был нужен.

Вика долго плакала, живот рос, а решения проблемы так и не было. Она обо всем откровенно рассказала Пете. Он сильно удивил ее, совершив поистине мужской поступок. Петя сказал, что женится на Вике, кто бы что не говорил. Даже если родители оставят его без копейки, он любит Виду и женится на ней во что бы то ни стало, а ее ребенок станет и его любимым малышом. Он дочке Вики обрадовался больше, чем другие отцы радуются собственным родным детям. Петя хотел еще детей, но Вика сказала, что целлюлит и растяжки в комплекте с лишними килограммами ей совершенно не нужны. Ангелика, точнее Лика, была исключительно папиной дочкой. Виктория ни одного дня в жизни не работала, занималась только собой, своей фигурой, была помешана на здоровом образе жизни, а мужчин воспринимала как вид, только если у них помимо денег присутствовали пресловутые кубики на прессе. Впрочем, без денег кубики тоже приветствовались.

Отец Лики работал день и ночь, чтобы, несмотря на экономически сложное время, торговая сеть приносила прибыль, а Вика только развлекалась с тренерами по фитнесу. Однажды Петр случайно обнаружил такого тренера в своей постели вместе со своей женой. Он не стал закатывать сцену, только молча, собрав свои вещи и вещи девятилетней Лики, ушел жить к своей матери. Его отец к тому времени умер и весь бизнес был на Петре. Виктория остервенела от поступка мужа. Она потребовала ДНК экспертизу и через суд, назло Петру, добилась передачи ей прав на дочь и на половину состояния Петра.

Лика рыдала при одной лишь мысли о разлуке с отцом. Той неведомой интуицией, которой обладают только дети, она понимала, что матери совершенно не нужна. Ее любит только папа. Тогда почему ей не разрешили остаться с любимым папочкой? Мать, получив солидную сумму при разводе, меняла своих красавчиков-альфонсов. Ее исколотое ботоксом лицо с накаченными губами перекашивало всегда, когда она видела повзрослевшую дочь. Лика напоминала ей об ошибке молодости и, что еще хуже, о ее возрасте. В свои тридцать семь она, конечно, выглядела не старше двадцати пяти, но постоянно видеть перед собой цветущую юную девушку с нежно-розовым цветом лица, сияющими, как небо после дождя, голубыми глазами и роскошной шевелюрой не крашенных каштановых волос было для нее просто пыткой.

Лика была девушкой высокой, стройной, спортивной, хрупкой и сильной одновременно. Парней она просто сводила с ума, но до знакомства с Ромкой ей никто не запал в душу. Лика подружилась со второй женой папы Аленой. Она понимала отца, полюбившего эту лучезарную, похожую на солнечный лучик, девушку. Всегда смеющиеся светлые глаза, легкие веснушки на загоревшем лице и пшеничного цвета густые выющиеся волосы. Она так была не похожа на гламурную, вечно всем недовольную маму. У Петра с Аленой родились два сына. Мише,

старшему, исполнилось восемь лет, а Антошке было всего пять. Лика радовалась, видя, что отец счастлив в своей новой семье. Алена была очень милой и доброй девушкой. Старше Лики всего на восемь лет, она выглядела почти как ее ровесница. В ней была какая-то непостижимая внутренняя притягательность, естественность и близость к природе. Она сама выглядела как часть обожженного южным солнцем кубанского ландшафта. Ее пшеничные волосы пахли солнцем и хлебом, а глаза были похожи на полевые васильки. Она не выглядела как взрослая женщина, мать двоих детей. Скорее, она была похожа на дух бескрайних, согретых знойным солнцем полей Кубани, чем на живого человека.

Петр был очарован Аленой с первого взгляда. Его немного смущала разница в возрасте, но противиться этому чувству было бы преступлением. Он полюбил ее сосем по-другому, не так, как надменную красавицу Викторину. С этой девушкой ему было всегда легко и спокойно. Вне зависимости от того, как обстояли дела в бизнесе, дома его всегда ждал оазис любви и семейного тепла. Он и не подозревал, что так может быть. Лике в доме отца тоже всегда было тепло на душе и спокойно. За год учебы в Москве Лика очень соскучилась по отцу. Не удивительно, что свои каникулы она предпочла провести с отцом и его новой семьей. Мама родила маленькую девочку, Эльвиру, и не отходила от нее ни на шаг. Присутствие старшей дочери ее могло только раздражать. Ее ненаглядный Игорь постоянно пропадал куда-то «по делам», а она с вечно орущим младенцем тихо доходила до белого каления, сидя в четырех стенках.

Лика с отцом, Аленой и мальчишками решили на машине поехать в Крым. Жариться на перенаселенных отдыхающими пляжах прекрасного Крыма не входило в их планы. Они решили поехать вглубь острова в Бахчисарай. Путешествие длиной 480 км. было утомительным и захватывающе интересным одновременно. Кубанские пейзажи сменяли друг друга. Зеленые плантации овощей, чередовались с золотыми полями пшеницы и кукурузы, а поля подсолнухов казались зеркальным отражением солнца. И вот, наконец, показалось на горизонте море.

– Представляете, сколько времени мы бы убили, если бы перебирались на тот берег паромом!? – воскликнул Ликин папа, с удивлением и восхищением рассматривая громадную железо-бетонную конструкцию скандально разрекламированного на весь мир моста.

Бесконечно длинный Крымский мост будоражил воображение будущего дизайнера и архитектора. Вот такие грандиозные сооружения вызывали искреннее восхищение Лики. Длинною в 19 км., мост через Керченский пролив, казалось, летит над морской гладью. По скоростной трассе моста переезд от одного конца до другого занимал всего двадцать минут. Удивительное чувство, когда вместо пыли от мчащихся рядом автомобилей, в лицо дует соленоватый морской ветер. Лика обратила внимание на бурную деятельность по прокладке рельс на мосту. Ей очень хотелось бы уже сегодня посмотреть на завершенное сооружение.

– Приедем сюда на следующий год. К 2020 году уж точно все будет завершено. Я обязательно уговорю папу, – подумала Лика, улыбнувшись собственным мыслям.

– У нашей принцессы Несмеяны, кажется, улучшилось настроение, – пошутил Петр.

Лика, продолжая мечтать об архитектурных шедеврах будущего, только загадочно улыбнулась отцу. Как бы она хотела стать творцом собственных необыкновенных сооружений. Лика готова была разорваться. Ей безумно хотелось стать и дизайнером и архитектором. Ее творения были бы похожими на Крымский мост – миниатюрными мостами, объединяющими вершины небоскребов, чтобы подобно тому, как мост возвышается над морем, ее мосты и дороги парили в небе, а дома были бы оснащены автомобильными лифтами. Почему не строят автомобильные дороги в небе? Разве не понятно, что даже самые современные транспортные развязки и скоростные шоссе не справляются с возросшим движением в мегаполисах. А дальше будет еще больше тесноты и дорожных пробок. Эту вечную проблему мегаполисов нужно было решать. В голове Лики кружились десятки идей, каждая новая фантастичнее предыдущей. Но разве современный мир с реактивными самолетами, скоростными поездами и атомными под-

водными лодками не воспринимался бы фантастической иллюзией лет сто назад? А освоение космоса? Будущее человека – это небо! Лика в этом ни на секунду не сомневалась. Большая часть проблем на земле исчезнет, когда человек научится свободно перемещаться в воздухе. Лика много слышала о летающих автомобилях. Пока что их можно было увидеть только на выставках и презентациях, но скоро летающий автомобиль станет неотъемлемой частью жизни городов. Для них ведь потребуются специальные автостоянки и будет лучше, если они будут обустроены на вершинах небоскребов или станут самостоятельными, похожими на пчелиные соты, многоэтажными сооружениями с...

Полет мыслей Лики оборвал приземленный вопрос Алены:

– Ли-и-ка-а... Лика! Ты спишь с открытыми глазами? Что заказывать будешь?

– А? Что такое? – спросила рухнувшая с небес на землю Лика, удивленно озираясь по сторонам.

Они стояли возле маленькой придорожной пиццерии. Сообразив, что от нее требуется, Лика сказала:

– Мне, пожалуйста, пиццу с грибами и большой стакан холодного чая.

Бесконечные дороги. Километры пыльных, избитых колесами дорог с оплавленным от знойного солнца асфальтом.

Добрались до Симферополя. Здесь можно было снять номер, порадовать себя душем и чистой постелью в прохладном номере. Симферополь не особенно впечатлил Лику. Обычный старый приморский город-порт. Все старое, не современное, и потому, совершенно не интересное для Лики. Свежевыкрашенные, тщательно отштукатуренные здания чередовались с облезлыми, облупленными, десятилетиями не знавшими ремонта домами. Много зелени, роскошные старые деревья, яркие цветочные клумбы. Изредка встречались невыразительные бетонные коробки современных отелей и еще каких-то зданий непонятного предназначения. В общем, все прекрасно, ожидаемо и предсказуемо.

И снова дорога. Чем дальше в горы, тем скучнее и однообразнее. Маленькие населенные пункты, названия которых Лика не удосужилась запомнить, были для нее все на одно лицо. В основном это были татарские поселения с приземистыми чистенькими одноэтажными домами и ухоженными дворами. Местные жители были очень вежливы и гостеприимны. Хозяйева предлагали зайти в гости, выпить чаю. При таком радушии мало кто из гостей откажется приобрести местные поделки. Плата за все была символическая. Предлагали в основном ручные коврики, расшитые полотенца, керамику. Все ручной работы и точно такое же, каким было сто, двести, а может и пятьсот лет назад. Папа Лики восхищался простотой и мелкими радостями жизни этих людей. Ему очень нравились местная кухня и чудесное, рубиново-красное вино. Алена была без ума от всяких безделушек, кухонных горшков, декоративных тарелочек, которые так любят вешать на стены в деревнях, каких то статуэток и прочего. Она накупила полный багажник этой ерунды. Петр снисходительно радовал ее мелкими подарками. Ему приятно было смотреть на ее васильковые, искрящиеся счастьем глаза и слушать детские восторги из-за любого пустяка. Лика старалась помалкивать, чтобы не портить папе и всем остальным впечатление от поездки. Она не разделяла восторгов отца ни по поводу жирной татарской кухни, ни из-за слишком сладкого и терпкого, на ее вкус, вина. Она не понимала, как можно восхищаться примитивизмом деревенских поделок и кривоватых чашек с разводами. Выглядело, как поделки в детском саду. Чудом дипломатии со стороны Лики было то, что она равнодушно смотрела по сторонам. Единственным окном в мир для нее был ее смартфон. Слава богу, хоть сеть не пропадала в этой горной глуши. Она была рада уже тому, что ее не заставляли умиляться при виде каждого цветочка, вазочки или куска пирога. Зато для любопытных мальчишек было полное раздолье. Столько впечатлений, разных вкусов, необычных людей и предметов вокруг. У малышей голова шла кругом от избытка эмоций. Вволю набегавшись,

полакомившись фруктами и местными сладостями, они моментально засыпали в машине, как только стоянка заканчивалась и семья отправлялась в путь дальше.

Наконец добрались до Бахчисарая. Конечная цель путешествия достигнута. Ура! А что дальше то? Лика не понимала, зачем отцу взбрело в голову тащить их всех в эту глушь. Но смотреть на радостного отца было для Лики компенсацией за все неудобства в дороге. А мальчишки с Аленой как радовались! Может она что-то не понимает? Лика не раз задавалась этим вопросом, видя свою несхожесть с другими людьми. Но ведь люди тоже не очень то стремились ее понять. Друзей у нее не были в Краснодаре. Не появились они и за год ее жизни в Москве. Ну и что? Пусть все ее воспринимают такой, какая она есть и, главное, не пытаются изменить. Тогда и она не будет отравлять непонятные ей мелкие радости жизни другим людям.

Пока Лика, погруженная в себя, размышляла, Петр рассказывал историю Крыма. Рассказывал о русско-турецких войнах, об обороне Севастополя, о том, как Никита Хрущев подарил российский Крым Украине, для того, чтобы упрочить свое политическое влияние и заручиться поддержкой компартии Украины. Он вдохновенно рассказывал о Советском Союзе, который еще помнил лично, о его распаде и переходе Крыма Украине. Наконец, он рассказал о возвращении полуострова в состав России в 2014 году. Дальше Петр стал описывать различные регионы Крыма, и, конечно же, расхваливать красоты и достопримечательности Бахчисарая, который давно мечтал увидеть.

– В переводе с татарского Бахчисарай значит Дворец-сад, – продолжал свою лекцию по истории Петр.

Он явно был в своей стихии. Наверняка, он еще много интересного рассказал бы, если бы не вмешалась Лика.

– Папа, почему ты не выучился на историка? У тебя отлично получается рассказывать. Ты не хотел стать профессором истории? – неожиданно для всех спросила Лика. – У нас в универе лекции по истории читала такая нудная мымра, что, не знаю, как другие в группе, но лично я возненавидела историю до конца дней. Да и в школе с этим ЕГЭ мозги выносили. Не важно, что ты знаешь и чем интересуешься. Главное ответить на их тупые тесты.

– Еще как хотел, дочка, но кто же мне позволил. Да и женился я слишком рано, – нахмурившись, сказал Петр. – Мне в наказание первые годы родители почти не давали денег. Я подрабатывал переводчиком, чтобы нам с тобой и твоей матерью было на что жить. А дальше на меня свалился семейный бизнес и куча других проблем.

Лика обратила внимание, что отец нарочно не стал называть по имени ее мать. Она его прекрасно понимала и не осуждала.

– Ну, прости, пап, что из-за меня ты не стал тем, кем хотел. Я тебя так понимаю. Вот вы все давили на меня и вынудили поступить на управление персоналом. Я не буду там учиться, понимаешь? Не хочу и не буду! Я перевелась в архитектурный институт. Документы уже оформлены. Буду учиться на архитектора на дневном и на дизайнера на заочном. Я теперь твердо знаю, чем хочу заниматься, только...

– Только что? – спросил ошеломленный Петр.

– Обучение там платное и стоит дорого. Ты на моей стороне, папочка? Ты мне поможешь? – решительно спросила Лика, не отводя напряженного взгляда от водительского зеркала, в котором отражалось удивленное лицо отца.

– Я всегда на твоей стороне, Лика. Если ты так уверена в своей будущей профессии, я тебя поддержу, конечно. Все так неожиданно... Ты все решила сама, не посоветовавшись ни со мной, ни с мамой!? – смирившись с неизбежным, сказал Петр.

– А какой смысл, папа? Я разве в прошлом году не говорила, что хочу стать дизайнером. Ну и кто меня слушал? Все ведь такие умные, а я несмышленный ребенок. Я ничего не путаю, папочка? – ядовито заметила Лика, обиженно надув губы. – А маме на меня вообще плевать. Ей лишь бы я была подальше от нее и не нервировала своим присутствием ее ненаглядного Игоря.

– Наверное, ты знаешь, что делаешь. За учебу когда нужно платить? – спросил Петр, желая поскорее прекратить этот нервный разговор.

Он не переставал удивляться своей девочке. Когда она успела вырасти. Лика в свои восемнадцать рассуждает как умный взрослый человек. Но она и вправду уже взрослая и очень умная. К счастью, она совсем не похожа на свою пустоголовую мать. Он очень хотел ее понять, но ему это плохо удавалось. Наверное ум и решительность Лика унаследовала от своего биологического отца – того банкира, как его... Эдуарда, с которым путалась Виктория.

– Я рада, что ты меня поддерживаешь, папа, – немного расслабившись, сказала Лика. – Учеба дорогая и стоимость каждого года обучения только увеличивается. Может, имеет смысл заплатить за все годы разом? Тогда стоимость не будет индексироваться.

– Вполне возможно... А о какой конкретно сумме идет речь? – привычным тоном говорящего о деньгах бизнесмена спросил Петр.

Лика быстренько рассчитала стоимость на калькуляторе своего смартфона и протянула его отцу.

– Верхняя цифра – это стоимость за обучение на архитектора, а нижняя поменьше – за обучение дизайну.

Глаза Петра немного округлились и густые брови расползлись в разные стороны. Одна бровь почему-то взлетела вверх, а другая напряженно приблизилась к глазу, но это состояние у него длилось не более минуты. Вскоре брови вернулись на прежнее место и он спокойным голосом ответил:

– Очень хорошо! Достойное образование стоит и не таких денег. Главное, чтобы ты потом не передумала и не вообразила себя модельером или еще кем-нибудь.

– И не подумаю, – жестко ответила Лика. – Так что? Мы договорились?

Петр еще раз внимательно посмотрел на Лику. Откуда в ней это? Она точно не его дочь? К сожалению, нет. Видно этот Эдуард – тот еще делец!

– Не все мои деловые партнеры имеют такую железную хватку и умеют добиваться своего, как эта девчонка. Браво, Лика! Далеко пойдешь! – подумал Петр.

– Когда ты перечислишь деньги на счет своего института? – строго спросил он.

– Да хоть сейчас! – ни секунды не раздумывая, ответила Лика.

Он достал блокнот и что-то стал писать, затем протянул листок бумаги Лике, сказав:

– Вот здесь написан номер моего текущего счета. Отсюда сними, сколько нужно. Из банка будут присылать СМС. Вот, держи мою трубку. Она понадобится для подтверждения операции.

– Ок! Та-а-к.... Заходим на сайт. Ага! Он-лайн квитанция. Заполняем... Есть! Далее вбиваем номер счета...

Лика проговаривала вслух все свои действия. Она внимательно смотрела на данные Петром реквизиты счета, потом еще что-то нажимала в смартфоне. Чтобы не мешать Лике, Петр съехал на обочину. Они с Аленой вышли подышать воздухом и немного размять ноги. Мальчишки крепко спали в своих детских креслах на заднем сиденье машины.

Петр с Аленой вернулись через два часа. Лика лениво смотрела в окно, давно закончив все дела. Петр восхищенно смотрел на дочь.

– Ну, как дела? Все перевела, без проблем? – спросил он, прекрасно понимая, что Лика умничка и отлично со всем справилась.

– Конечно, папа, – ответила Лика, очаровательно улыбаясь. – Папочка, я тебя не сильно разорила?

– Ах! Миллионом больше, миллионом меньше!? Не все ли равно! Зато у тебя полностью оплачена учеба. Я думаю, это хорошая сделка, – смеясь, сказал Петр.

– Спасибо, папа! Ты не пожалеешь! Я обещаю! – сказала заметно повеселевшая Лика.

В душе Лики, наконец, воцарились мир и покой. Теперь можно не так тревожно смотреть в будущее. Она понимала, что как бы хорошо Петр к ней не относился, она не его родная

дочь. Он, конечно, ее не обидит, но все его имущество принадлежит его нынешней семье и наследниками будут родные дети. Она не обижалась. Лика слишком рано научилась принимать жизнь такой, какая она есть и не ждать от нее слишком много. От больших иллюзий больше и разочарование. Уж этот урок жизни она твердо усвоила.

Лику позабавила реакция на все Алены. У нее было такое лицо, как будто при ней говорили на неизвестном ей иностранном языке. В голове Алены не укладывалась то, что она сейчас слышала. Она, конечно, не высказывала своего мнения и ни во что не вмешивалась. Она вообще никогда не вмешивалась в дела Петра и не обсуждала с ним ничего, что не касалось бы непосредственно их семьи, отношений или детей. Но она была не в состоянии понять, зачем такой красивой девушке, как Лика, вместо замужества думать о какой-то учебе, заниматься делами. Пока отец, а потом муж обеспечат ей безбедно существование. Зачем тратить жизнь так бестолково? Не понятно...

Лика никогда не забудет эту поездку в Бахчисарай. Они вчетвером гуляли, много смеялись, обедались чудесным свежим виноградом, от которого язык и губы становятся фиолетовыми. Не забыли и про долгожданные исторические достопримечательности. Потом делились впечатлениями друг с другом.

– Как вам Фонтан слез, девчонки? – спросил Петр в кафе, ставя на столик запотевшие от холода стаканы с газировкой.

– Если бы Пушкин не написал об этом фонтане, кто бы вообще его заметил? – цинично сказала Лика, потягивая из соломины ледяной напиток.

– Какая ты вредная, доченька, – ехидно заметил Петр.

– А мне все понравилось, и фонтан, и сам город, и старый храм и Дворец Султана, – с детской непосредственностью сказала Алена, причмокивая от удовольствия.

Лика снисходительно улыбнулась, глядя на Алену. Мальчишки мотались вокруг, не чувствуя усталости. Похоже, ее способны чувствовать только взрослые.

По дороге домой говорили намного меньше, чем по пути в Бахчисарай. Предвкушение приключений сменилось усталостью и частичным разочарованием. Разочарованием не потому, что достопримечательности горного Крыма оказались менее яркими и интересными, чем это описывалось во всех каталогах и проспектах, а потому, что наше воображение рисует картины гораздо более яркие и впечатляющие, чем сама действительность.

– Папа, а ты был раньше в Крыму? – спросила Лика, ненадолго оторвавшись от смартфона.

– Мы в Крыму были с твоей мамой, Лика, когда ты была по возрасту примерно как Антошка, – сказал Петр, даже не подумав, что напоминание о бывшей может быть неприятно Алене. – Правда, дальше пляжей и прибрежных ресторанов мы никуда не ходили. Ее интересовали только шмотки и места, где ими можно пощеголять. Никаких чувств и романтики. Сплошной гламур.

Петр аж передернул плечами от воспоминаний о Виктории.

– Ты видела ее дочку, Лика? – спросил Петр, пытаясь унять раздражение. – Небось, носится с ней.

– Еще бы! Копия мамы, только без ботокса. Пока... Почему мама так меня не любит, пап? Я всегда все делаю плохо. Я во всем виновата. Она даже не позволила мне взять на руки Эльвиру. Видите ли, я не умею обращаться с младенцами. Мало мы с Антошкой гуляли? Чтобы видеть, как он растет, я на каникулы никуда не поехала, помнишь? – обиженно сказала Лика, краем глаза поглядывая на реакцию Алены на их разговор.

Алена невозмутимо сидела, глядя в окно, как будто все, о чем говорили отец с дочерью, ее вообще никак не касалось.

– Сложно объяснить. Она мне не может простить того, что я не тот банкир, от которого она тебя родила, наверное. Но ведь ты все равно моя малышка, правда?

– Конечно, папа! А она точно моя мать? – наполовину в шутку, наполовину всерьез спросила Лика.

– К сожалению, – с обреченной улыбкой ответил Петр.

– Почему ты позволил ей забрать меня у тебя? – вспомнив давнюю обиду детства, просила Лика.

– На ее стороне был закон. Я ничего не мог с этим поделать. Мне что, нужно было тебя украсть? – спросил Петр, пытаясь понять, что на самом деле чувствует к нему его дочь.

– Как вариант, – сухо ответила Лика и уставилась в смартфон.

Разговор был окончен. Алена попыталась разрядить напряжение, переведя разговор на другую тему.

– Красиво! Но мне душно от этих гор. И справа скала и слева, а в ущелье спокойно живут люди. Кажется, горы сомкнутся и все уничтожат. Мне как-то не по себе. Я, наверное, не смогла бы здесь жить. Я люблю, когда вокруг до самого горизонта, со всех сторон поля, степь.

Дорога домой казалась почему-то намного длиннее и утомительнее, чем долгожданный путь в Бахчисарай. Жара с утра раскалила машину, как печь. Лика не понимала, почему отец поехал на этой старой колыхаге, а не на своем роскошном внедорожнике. Он ей объяснил это желанием не выделяться среди других авто-туристов и не привлекать к себе нездоровый интерес всяких авантюристов, грабителей и мошенников. Кондиционер, как назло, сломался и единственной попыткой охладить салон авто было открыть окна. Но вместо свежего воздуха в салон авто закачивался сухой горячий горный воздух.

– Наверное, сорок градусов в тени. Не меньше. А на солнце – так все шестьдесят, – сказал папа Лики, допивая последний глоток теплой минералки из полуторалитровой пластиковой бутылки. – Алена, у нас еще есть вода?

– Уже нет, Петруша. Ты только что допил последнюю, – с лукавой улыбкой сказала Алена.

Мальчишки, прикованные ремнями безопасности к детским креслам, разомлев от жары, крепко спали. Лика уткнулась в смартфон и, казалось, ничего вокруг не замечала.

– Если верить GPS навигатору, впереди должна быть заправка. Наверняка там и магазин есть, – неожиданно сказала Лика, оторвавшись от смартфона.

– Это хорошо, – лениво сказал Петр, вытирая тыльной стороной руки вспотевший лоб. – Да и бензин на исходе.

– Папа, я писать хочу, – сказал внезапно проснувшийся Мишка.

– Скоро доедем до заправки. Там и туалет, и магазин есть. Потерпи маленько, родной, – ласково улыбаясь, сказала Алена.

Антошка крепко спал. Лика что-то выискивала в интернете.

– Да брось ты эту железку, дочка. Посмотри в окно, красота то какая, – сказал Петр, показывая рукой на великолепный горный пейзаж вдоль дороги.

Лика растерянно посмотрела вокруг, но ничего интересного для себя не увидела.

– Ну горы... Ну и что? Это всего лишь камни, местами поросшие травой и чахлые кусты вдоль пыльной дороги. Что в этом интересного? – равнодушно сказала Лика, вновь уйдя в виртуальный мир.

Ее намного больше, чем красота природы, интересовали необычные архитектурные сооружения, чудеса человеческой мысли, волшебство искусства. Ей нравилось все необычное, нестандартное, шокирующее воображение. Вот если бы за окном машины она увидела архитектурное строение в духе Антонио Гауди, она действительно заинтересовалась бы. Но по пути встречались, как назло, похожие друг на друга домики крымских татар, хорошо видные за сеткой заборов. Аккуратненькие, приземистые постройки в национальном стиле не интересовали Ликю. Бахчисарайский дворец, конечно, очень красив, но интерес представляет, скорее для историков и любителей древностей. Ее интересы были в будущем. Ей хотелось проектировать здания, похожие на сюжет фантастических фильмов или на космические станции. Она нена-

видела технику на проводах, микроволновки и газовое отопление, а духовку газовой плиты называла «крематорием». Мировые державы столетиями позорно грызутся друг с другом из-за нефти и газа. А ведь в мире полно альтернативных, экологически безопасных источников энергии: солнечные батареи, энергия ветра, воды, гравитации, хотя последнее пока из области научной фантастики. Дома должны быть экологичными и энергонезависимыми. Именно такие дома она хотела создавать. В своем воображении она уже спроектировала целые города для счастливых людей, которые дышат чистым воздухом, пьют не отравленную токсинами воду и едят натуральную еду. Папа в шутку даже называл ее «гостьей из будущего».

Вот Алена, например, не верила в будущее. Она считала, что жизнь состоит только из «сегодня» и «сейчас», а что будет завтра, нам не ведомо. Она была твердо убеждена, что Боженька не даст им пропасть. Папа, казалось, вообще не мечтал. У него голова разламывалась от текущих каждодневных проблем и забот. Бизнес становилось поддерживать на плаву с каждым годом все сложнее и сложнее. Он и так уже закрыл четыре филиала сети, на очереди было еще два. Чтобы продержаться, он взял кредит под залог бизнеса. Почему-то людям с каждым годом все меньше хочется есть. Вместо прибыли одни убытки. Если бы не нужно было ставить на ноги троих детей, он давно продал бы дело и жил преспокойно в свое удовольствие в уютном домике где-нибудь на побережье. Постоянный стресс и заботы посеребрили его виски и проложили глубокие морщины на лбу. В свои тридцать семь он выглядел на все сорок пять. Постоянные разочарования в жизни изменили и его характер. Из любознательного доверчивого паренька он сам не заметил как, превратился в угнетенного, немного циничного и жесткого человека. Единственной отдушиной были Алена и дети. Ради них он готов был на все. Они – его настоящее сокровище, за которое он готов бороться до последнего вздоха.

– Петруша, смотри, что там впереди? – спросила, щуря слезящиеся от яркого солнца глаза, Алена.

– Похоже на маленький отель, – сказал Петр, внимательно рассмотрев невзрачное современное строение с яркой вывеской.

– Папа, давай остановимся здесь, – сказала вернувшаяся в реальный мир Лика. – Надеюсь, у них там прохладно и есть вода?

Подъехали ближе. Сотрудница на входе сообщила, что отель временно закрыт из-за внеплановой санитарной проверки. Пришлось ехать дальше. Все изнывали от жары. Лика сняла с себя легкую блузку из хлопка, оставшись в коротеньких джинсовых шортах и облегающем желтом топике на тонких бретельках.

– Алена, а ты не хочешь ничего с себя снять? – не без издевки спросил Петр немного смутившуюся Алену.

На Алене был надет лишь коротенький цветастый сарафанчик.

– Я ничего лишнего, в отличие от некоторых, не надела, – весело сказала Алена, повернувшись к Лике.

Лика высунула язык, а Мишка звонко расхохотался.

– Так вам, девчонкам, и надо! Вот мне вообще майка не нужна, – сказал Мишка.

– Нашел чем гордиться. Может тебе и штаны не нужны? – спросила Лика, ласково ответив брату легкий подзатыльник, за что получила «душ» из водяного пистолета.

Суровое выражение лица Петра в такие минуты исчезало. Алена вела себя как еще один ребенок. В дороге не раз Петру приходилось слышать:

– Какие у вас замечательные дети. Девочки просто красавицы.

Вначале он сильно смущался, когда его молодую жену принимали за дочь, но со временем привык. Алена подшучивала над ним, называя на людях «папочка». Для Лики это был цирк бесплатный. Непосредственность Алены ее вначале раздражала. Узнав Алену лучше, Лика к ней очень привязалась.

Впереди показалась заправка с магазином. Как только остановились, Мишка пулей выскочил их машины и побежал к зданию. Лика выбежала следом. Ее немного укачало и свежий воздух был жизненно необходим. Лика с Мишей зашли в магазин. Стоявшая за кассой симпатичная смугленькая девочка лет шестнадцати с выразительными скулами и длинными черными волосами приветливо улыбнулась редким в этот час посетителям.

– Добрый день! – поздоровалась она. – Жарко там, правда?

– Привет! – ответила Лика. – Мы с братом умираем от жажды. Наши родители в машине. Сейчас тоже подойдут.

– Туалет где? – нахально спросил Мишка.

Девушка показала рукой на противоположную сторону магазина.

Мишка побежал, как будто за ним черти гнались.

Лика с девушкой у кассы переглянулись и дружно расхохотались.

– Боится не добежать! – смеясь, сказала Лика.

– Кто там, Айше? – спросил мужской голос из подсобки.

– Все нормально, папа. Покупатели. Пришли девушка с мальчишкой, – громко сказала она, чтобы отец в другой комнате смог ее услышать.

Пока Мишка занимался своими делами, Лика купила три полуторки холодной минералки, пачку печенья, четыре йогурта и килограмм краснобоких молодых яблок. Когда она расплачивалась, у кассы, помимо девушки, стояли смуглый черноусый мужчина средних лет и как две капли воды похожий на него парень, только без усов и в бейсболке. Изучающе посмотрев на Лику, они успокоились и ушли назад в подсобку.

Мишка с довольным видом вышел из туалета и решительно потребовал шоколадку. Лика купила ту, которую выбрал братик.

– Держи пакет, а я схожу туда же. Мы вернемся в машину к Антошке, а мама с папой выйдут прогуляться.

Лика с Мишкой, не выпуская пакет с покупками из рук, выходили из магазина, когда заметили мчавшийся к заправке на сумасшедшей скорости грузовик. Никто и не подумал, что с ним что-то не так. Мало ли лихачей на дороге? Но грузовик несся напрямую к заправке и магазину, хотя дорога их огибала. Лика, повинуясь какому-то рефлексу, схватила за руку Мишку и отбежала в сторону подальше от магазина. Около заправки стояла только машина Петра. Немного в стороне был припаркован желтый мини-фургон, наверное, принадлежавший владельцам заправки. В такую жару все, кто сумел найти тень и прохладу, не покидали свои уютные убежища. И только немногие, застигнутые в дороге путешественники, мучились под палящим солнцем в раскаленных автомобилях. Залив полный бак, Петр сел на водительское место, когда грузовик на огромной скорости раздавил легковушку, протавив смятую в узел груды железа, пластика и некогда сидевших в ней людей до магазина. Влетев в магазин в вихре осколков стекла, грузовик, наконец, сбавил скорость, разнося аккуратно разложенные на полках товары во все стороны. Лика с Мишкой чудом успели отскочить, чтобы не попасть под колеса сумасшедшего грузовика.

– Бежим, Мишка! Бежим отсюда! Скорее! – крикнула Лика, таща за руку едва поспевающего за ней брата.

Мишка споткнулся, и растянулся, содрав в кровь колени. Лика схватила его за подмышки, насильно поставила на ноги и заставила бежать дальше. Они отбежали метров на сто, не меньше, когда за спиной послышался чудовищной силы взрыв. Вначале один, потом еще и еще. Ворвавшийся в магазин грузовик вместе со скомканной им легковушкой Ликиного отца, снес газовый баллон. После первого взрыва взлетел на воздух и сам грузовик. От охваченного пламенем магазина огонь перекинулся на заправку. Земля затряслась под ногами убегающих от смерти детей. Лика с Мишкой, потеряв равновесие от волны третьего, самого мощного взрыва, упали на землю, но тут же поднялись и снова побежали. Из разорванного пакета по

одному выкатывались и падали в пыль краснобокие яблоки. Лика с братом бежали, не глядя под ноги, не разбирая дороги. Бежали вперед. Бежали, куда глаза глядят. Взрывы, наконец, прекратились. Столб огня и черного дыма от горящего бензина с заправки, несмотря на ясный солнечный день, было видно за много километров. Наверное, его можно было увидеть даже из космоса. Воздух наполнил тошнотворный запах горящего бензина, перебивший все остальные запахи от пожара.

Не в состоянии бежать дальше, Мишка без сил рухнул на землю. Лика отпустила его руку. Она сама задыхалась. В боку ужасно кололо, а дыхание перехватило так, что она слова вымолвить не могла. Она села возле вымученно лежащего на земле Мишки, пытаясь и его посадить рядом с собой. Миша, наконец, пришел в себя. Лика обняла его за плечи и, ослепленная ужасом произошедшего, не мигая, смотрела, как огромным факелом поднимается все вокруг испепеливший огонь. Все произошло так быстро! Лика не сразу поняла, что в один миг с лица земли исчезли и ее любимый папочка, и милая простушка Алена, и веселый малыш Антошка. Это не могло быть правдой! Нет! Она дико закричала, больно стиснув в объятьях Мишку. Он онемел от увиденного кошмара, намертво зажав в своих детских ручках порванный пакет, из которого по пути вывалились все продукты. Его мама, папа, вредная плакса Антошка.... Что, их больше нет? В свои восемь он все прекрасно понял. Слезы беззвучно текли по его щекам. Белые носочки испачкались и были закапаны кровью, шедшей из содранных коленок. Лика кричала, как сумасшедшая, царапая ободранными пальцами сухую песчаную землю.

Она почти не помнила, что было потом. Приехала скорая. Их с Мишей отвезли в больницу Симферополя. Они не пострадали, если не считать нескольких ссадин, но психическое состояние у Миши было очень тяжелым. Он отрешенно, по-прежнему не мигая, смотрел куда-то в себя, сжав кулаки, и отказывался разговаривать. Лика тоже была уничтожена горем, к которому еще добавилось беспокойство за брата.

– Доктор, у него же это пройдет? Миша будет таким, как прежде? – неоднократно допытывала она врача.

Врач мог только разводить руками, говоря:

– Время лечит. Ребенок пережил ужасную психологическую травму. Надеюсь, он с этим справится, но точно никогда не забудет. Такие нервные потрясения никогда не проходят бесследно.

От заправки с магазином ничего не осталось. Когда приехали пожарные, догорал бензин заправки. В огне помимо семьи Лики погиб и владелец заправки с двумя детьми. Имя водителя обезумевшего КамАЗа установить удалось, а вот причину трагедии можно было только пытаться угадать. Версия о терракте отпала сама собой. Злоумышленникам можно было найти и более людное место, чем крошечная заправка в горах. Скорее всего, у грузовика отказали тормоза. Но могло случиться и так, что водителю стало плохо, а быть может, он и вовсе умер за рулем. К несчастью, ведь и такое бывает.

В больнице Лике задавали много вопросов. Спрашивали врачи. Спрашивал следователь. Спрашивал психолог. Депрессивное состояние Лики было вполне естественным и объяснимым. Она – девушка сильная и с этим справится, врачи не сомневались. А вот психическое здоровье Миши вызывало очень серьезные опасения. Настоятельно рекомендовали на какое-то время положить его в стационар, но Лика наотрез отказалась. Она поклялась, что отвезет его домой в Краснодар и будет регулярно водить к специалистам. Благо, в таком крупном городе их предостаточно.

Как только сообщили об ужасной трагедии, бабушка Лики и Миши первым же рейсом прилетела в Симферополь. Она почернела от горя, но стойко держалась, не плакала, только ни на минуту не выпускала руки Мишеньки из своей. Елена Афанасьевна жила ради своего единственного сына и его детей, уже три года борясь с неизлечимой болезнью. Теперь у нее

остался только Мишенька. С Ликой она всегда держала дистанцию, лишь ради сына терпя ее присутствие, говорила с ней сухо, холодно и вежливо.

Сердце Лики сжалось при виде бабушки. Она хотела было броситься ей на шею, но холодный взгляд покрасневших глаз пригвоздил ее на месте. Домой летели самолетом. За всю дорогу не обменялись и двумя словами. На такси приехали к дому Петра. Высокий кирпичный забор, широкие автоматические ворота, обсаженный с двух сторон цветущими розами подъезд к красивому трехэтажному коттеджу из красного кирпича. И вот они дома. Опять скорбная тишина. Миша, как зомби, молча сел на диван, уставившись в одну точку.

Ли́ка не знала, что сказать и что делать. Здесь ей было еще хуже, чем в больнице. Там ее донимало сочувствие совершенно посторонних людей, а здесь убивало равнодушие родного человека. Она почувствовала себя лишней в этом доме. Но куда ей идти? К матери? Ей она тоже не нужна. Они втроем молча сидели в комнате, почти не шевелясь. Несмотря на августовскую жару, казалось, лед сковал движения каждого из присутствующих. Домработницу Елена Афанасьевна отправила домой, чтобы не путалась под ногами. Молча сидели, пока быстро падающая на землю чернильная южная ночь не накрыла их дом. Наконец, Елена Афанасьевна поднялась, зажгла свет и, не поворачивая головы в сторону Ли́ки, буркнула:

– Иди в верхнюю гостевую спальню. Приляг, отдохни. Погорим завтра.

– Ли́ка взбежала на второй этаж, зашла в хорошо знакомую ей комнату с яблочно-зелеными обоями и как была, в одежде, рухнула на заправленную нежно розовым шелковым покрывалом кровать. Это всегда была ее комната, когда она гостила у папы. Даже вещи ее здесь ждали свою хозяйку. Ли́ка тихо плакала, пока усталость и переживания не одержали победу. Она уснула, уткнувшись лицом в покрывало, так и не разобрав постель. Проснувшись в районе десяти утра, Ли́ка почувствовала себя намного лучше. На душе было мрачно, но нужно было двигаться вперед. Она шарахнулась от своего отражения в зеркале и прямоком направилась в ванную комнату. Вымывшись и переодевшись, она спустилась вниз.

– А, встала, наконец! – злобно сказала Елена Афанасьевна. – Мы тут ждем, пока ты соблаговолишь спуститься.

Ли́ка заметила сидевшего в кресле бородатого мужчину. Мелкие, как у кабана, темные глазки ехидно поблескивали из-под кустистых черных бровей. С ним лично она никогда не встречалась, но не раз видела на фотографиях. Это был папин партнер по бизнесу, совладелец торговой сети, Залихвацкий Артем Сергеевич. Он поднялся с кресла, приветствуя Ли́ку.

– Девочка моя, какое горе! Соболезную! Мне очень, очень жаль. Мы были друзьями и компаньонами с твоим отцом, – сказал он с искренностью, достойной премии Оскара.

– Здравствуйте! Я знаю, кто вы такой. Отец мне говорил о вас не раз, – мрачно сказала Ли́ка, прекрасно помня, как отец отзывался об этом человеке.

В памяти Ли́ка прозвучали слова отца:

– Этот негодяй спит и видит, как бы отнять мою долю акций и стать единственным владельцем нашей сети. Мой отец в свое время сделал ошибку, продав в трудные для нас времена часть акций этому пройдохе Залихвацкому.

Залихвацкий списал все на стресс и не удивился такому тону Ли́ки.

– Иди суда, Ли́ка! Присядь, пожалуйста. Нам нужно серьезно поговорить, – сказала Елена Афанасьевна как можно мягче.

Ли́ка послушно присела на краешек дивана, предчувствуя, что этот разговор для нее ничем хорошим не кончится. Предчувствия не обманули.

Разговор пошел о наследстве Петра Владимировича Сафинова. Оказывается, он еще четыре года назад составил завещание, по которому, в случае его смерти и смерти его супруги, опекунов над детьми и право распоряжаться всем движимым и недвижимым имуществом переходит к его матери Елене Афанасьевне Сафиновой.

– Лика, сейчас ты, конечно взрослая, совершеннолетняя девушка и можешь оспорить последнюю волю отца, но ты ничего не понимаешь в делах. Верно? Ты доверишь мне, как и хотел твой папа, распоряжаться наследством? – спросила Елена Афанасьевна, накрыв руку Лики своей пожелтевшей морщинистой рукой.

Если бы Лика сейчас что-нибудь сказала или сделала, не соответствующее интересам бабушки, та, наверное, вцепилась бы ей в лицо своими тонкими пальцами с остро заточенными ногтями. Бабушка жила с семьей сына и была прекрасно осведомлена обо всех его делах.

Лика молчала и слушала, начиная понимать, что от нее требуется.

– А о каком именно движимом и недвижимом имуществе идет речь? – как можно простодушнее спросила она.

– Мы с тобой потом об этом поговорим. Это, как говорится, дело семейное, – прошипела Елена Афанасьевна. – Сейчас речь о другом. Г-н Залихвацкий великодушно предлагает выкупить долю Петра в торговой сети. Он делает очень щедрое предложение, поверь мне. В последнее время дела у твоего отца шли не очень хорошо. Он взял огромный кредит, который нужно как-то погасить. Если мы примем предложение Артема Сергеевича, то и с долгами расплатимся и на безбедную жизнь всем хватит. Тебе нужно учиться, Мишеньке требуется серьезное дорогостоящее лечение. Что скажешь, внученька?

Лика тоже знала о проблемах отца. Действительно, кто бы занимался бизнесом отца? Большая бабушка или студентка второкурсница? Минуту подумав, она ответила:

– Я согласна продать бизнес отца.

– Вот и славно! – радостно воскликнул Залихвацкий. – Приятно иметь дело с толковыми женщинами. Мой юрист подготовит документы к завтрашнему утру. Мы придем к вам домой к десяти. Вы не против?

– Отлично! – сказала Елена Афанасьевна, вставая.

Было понятно, что разговор окончен. Залихвацкий попрощался и ушел. Лика тоже встала, собираясь вернуться к себе в комнату.

– Лика, присядь! Наш разговор еще не окончен, – привычным, ненавидящим тоном командовала бабушка.

Лика повиновалась.

– Ну, сейчас начнется! – с тревогой подумала она.

– Лика, кроме этого дома, папиных двух машин и каких-то складов за городом у нас ничего нет. Ты же понимаешь, Мишеньку нужно ставить на ноги. Он выздоровеет и это все будет принадлежать ему как единственному биологическому сыну Петра, – не терпящим возражения тоном сказала Елена Афанасьевна.

– Я очень люблю Мишеньку и хочу, чтобы он был здоров и богат, но как же я? Ведь папа меня тоже считал своей дочерью и любил. Как я то жить буду? На что? – со слезам на глазах спросила Лика.

– Лично я бы тебе ничего не дала, но ради памяти моего Петеньки... Раз он пригрел на груди ребенка этой шлюхи, твоей матери, я и о тебе обязана позаботиться. Я перечислю после завтрашней сделки на твой счет десять миллионов рублей. С тебя этого более, чем достаточно. Если все промотаешь, как твоя мать, это твои проблемы. Я не желаю тебя больше видеть в своем доме. Это тебе понятно? – продолжила брызгать ядом старуха.

– И на том спасибо. Я совсем не похожа на свою мать, – высоко подняв голову, сказала оскорбленная Лика.

– Тебе же лучше. Может, станешь нормальным человеком, – злобно заметила «бабушка». – В любом случае, завтра, после подписания документов, собирай свои вещи и уезжай отсюда. Уезжай и не возвращайся! Слышишь? Никогда не возвращайся!

Минуту помолчав, она продолжила:

– Моему сыну вообще не везло на женщин. Вначале твоя развеселая мамаша, потом эта простушка Алена. Но та хоть родила моему Петеньке двух прекрасных сыновей. Эх, Антоша! Какая жалость! Петя грезил уже два года этим проклятым Бахчисараем, говорил: «Вот поехать бы туда, так больше и видеть ничего другого не захочется». Ну что, там и вправду так все чудесно? – спросила она у Лики.

– Красиво, конечно, но по мне, так ничего особенного. Все такое старое. Это место для любителей истории. Папе там, правда, очень понравилось. Алене тоже.

– Алене всегда все нравилось. Нашла о ком говорить! – скривившись, сказала Елена Афанасьевна. – Ну, так мы договорились? Ты навсегда уйдешь из нашей жизни?

– Бабушка... Простите, Елена Афанасьевна, а как же Мишенька? Я его ведь очень люблю. Мы что, не сможем видеться? – спросила обескураженная Лика.

– А кто ты, собственно, ему? Уж точно не сестра! Миша – моя кровиночка, единственная на свете, и с твоим проститутским отродьем ничего общего не имеет! – желчно сказала Елена Афанасьевна, не глядя на Лику, встала и ушла.

Лика тоже вскочила как ужаленная, побежала в свою комнату и стала яростно выбрасывать из шкафа все свои вещи. Ее никогда еще так не оскорбляли. Не разбирая, она запихивала в чемодан вещи, до слез злясь на эту бессердечную полуживую старуху, которую она по наивности называла «бабушка». Значит, все было ложью? Поздравления с праздниками, подарки любимой бабушки на Новый Год и на День Рождения, теплые улыбки поцелуи, родные объятия. Все ложь! Эта женщина люто ненавидела ее со дня ее появления на свет и, наконец, призналась в этом.

Лика вышла из комнаты, чтобы попрощаться с Мишей, но не нашла его нигде. Оказывается, Мишку отвезли в частную клинику на обследование. Она кипела от злости и обиды. Лика злилась на всех, но больше всего на себя. Ночью она так и не смогла уснуть. Ее перехлестывали чувства. На утро с собранным чемоданом она спустилась вниз, на одиннадцать часов вызвала такси, а также забронировала билет на поезд до Москвы.

Бумаги подписали, как и договаривались. Елена Афанасьевна была так «добра», что даже оплатила ее билет до Москвы и дала немного денег на первое время. Лика ежилась, чувствуя ее злобный взгляд в спину, когда с чемоданом вышла к подъехавшему такси, но ни разу не обернулась. Не в ее правилах было оглядываться назад.

Многочасовая тряска в поезде должна была немного отвлечь Лику и успокоить. Так и произошло. «Любимая бабушка» сдержала свое обещание. На счет Лики были перечислены обещанные десять миллионов рублей. Она, конечно, понимала, что ей «пожертвовали» лишь крошечную часть отцовского наследства, но для начала и этого было вполне достаточно. Она в дороге все обдумала. Если купить небольшую квартирку в новостройке и приличную машину, оставшегося должно хватить на жизнь примерно на год. Ну а дальше нужно будет вертеться самой, учиться, искать работу. Ничего. Она сильная и со всем справится. Она – Лика Сафинова и этим все сказано!

Глава вторая. Ядовитое яблочко

Лика бежала куда-то по полутемному коридору. Он поворачивал и становился намного уже, но она продолжала бежать, не понимая, от кого она убегает и куда бежит. А может, это она за кем-то гонится? Но за кем? Коридоры в бесконечном переплетении сменяли друг друга. Одни, похожие на те, что были в ее институте. Другие больше были похожи на мрачные подземелья из фильмов ужасов Стивена Кинга. Переходы, лестницы, подъемы и спуски... И снова нескончаемые коридоры. Одни коридоры были светлые чистые и широкие, в других зловеще мигали тусклые лампочки и стены полуразрушены. Лика уже не бежала, а осторожно шла, как будто боялась звуками своих шагов спугнуть кого-то, но ее шаги все равно гулко, эхом звучали в неведомом, совершенно пустом здании. Попадались разного вида двери: железные, деревянные, стеклянные. За некоторыми из них Лика слышала какие-то звуки и даже крики, но все двери, независимо от того, как они выглядели, всегда были закрыты. Она продолжала идти, пока резкий, бьющий по мозгам звук будильника не вырвал ее из этого кошмара.

Семь утра. Пора вставать и идти на занятия в институт, а вечером в языковую школу. Лика не любила рано вставать, но избавление от этого проклятого сна принесло облегчение. Почему ей снился один и тот же сон уже, наверное, лет шесть. Еще в школе ее мучил этот нескончаемый кошмар. Он повторяется почти каждую ночь и со временем становится еще страшнее. Стали появляться новые детали, как, например, эти закрытые двери и странные звуки за ними. Раньше такого не было.

– Может, я схожу с ума и мне срочно нужно к психиатру? – с тревогой подумала Лика, нехотя отрывая голову от подушки. – Почему мне постоянно снится эта хрень?

Она встала, прошла по квартире, распахнула окно. Для конца сентября было довольно тепло, но в воздухе чувствовался горьковатый привкус осени. Получив от «бабушки» десять миллионов, Лика, как и собиралась, купила современную, просторную квартиру в высотке нового района Москвы, точнее, в новомосковском городском округе Щербинка. Это был ее первый «собственный дом». Раньше ни у отца, ни у матери она не чувствовала, что находится дома. Квартира обошлась в семь миллионов рублей. Еще миллион с лишним ушел на отделку, мебель и оргтехнику. В этой квартире все было так, как захотела Лика. Никто не диктовал ей, что можно и что нужно делать. Она была единственной хозяйкой, царицей и повелительницей этих 72 м². Просторная, светлая квартира, по сути одна большая комната на семнадцатом этаже, к которой уносил ввысь скоростной лифт. Единое пространство, условно разделенное на зоны питания, комфорта, работы и сна. Никаких нор с дверями, все современно, изысканно и со вкусом.

Как будущий дизайнер, Лика продумала и проработала каждую мелочь в своей квартире. Серебристо-синий уголок кухни, начиненный самой современной техникой, переходил в зону отдыха. Границей служил небольшой круглый стол с алюминиевой широкой основой и прозрачной столешницей в компании четырех блестящих алюминиевых стульев с плавным изгибом перехода от сиденья к спинке. В зоне отдыха господствовал совершенно круглый черно-белый диван без спинки. Находясь в самом центре комнаты, он вампирски приковывал к себе внимание. Усугубляли ощущение уложенные в два ряда вишнево-красные и белые подушки.

Пространство перед огромным, в полстены окном не было ничем занято. Никакие блестящие гардины в цветочек не мешали солнечному свету царствовать в этой квартире и закрывать панорамный вид сверху. По обе стороны от окна, как две колонны, ровными трубками спадали с потолка вишнево-красные, как и подушки на диване, тяжелые портьеры из плотной матовой ткани. Закрывались они автоматически при помощи специального пульта, но чаще окно оставалось открытым. На высоте семнадцатого этажа космос казался намного ближе. Отделяла от него только тонкая грань оконных стекол.

По центру боковой стены, контрастно темной, в отличие от остальных, по-королевски господствовал широкий телевизор в окружении коротеньких полочек из темного стекла. Каждая полочка была подсвечена с двух сторон крошечными лампочками. Дизайнерской блажью было и то, что на каждой полочке находился только какой-то один предмет. Например, на одной – только изогнутая, в форме спирали ваза для цветов из молочно-белого матового стекла, на другой – абстрактной формы статуэтка, на третьей – прозрачный стеклянный куб, закрепленный на одном ребре. Все безделушки в стиле постмодерна – вещи необычные и совершенно бесполезные, но стильные и полностью вписывающиеся в странный интерьер этой квартиры.

В ярко освещенном углу комнаты было рабочее место Лики. Книжные полки, широкий письменный стол, удобное кожаное кремового цвета офисное кресло с высокой спинкой. На столе, выстроившись в ряд, красовались три монитора. Мощный компьютер, способный поддерживать сложные дизайнерские программы, является первейшим инструментом архитектора. Далее, вдоль стены располагался уютный бежевый диван, на котором и спала Лика. Единственным украшением гладкой светло-серой стены была неизвестно что изображавшая абстрактная картина в красно-синих тонах и необычные, треугольной формы, молочно-белые светильники над спинкой дивана. Перед диваном был положен небольшой синий в белых треугольниках ковер, выгодно оттенявший серо-бежевый гладкий ламинат пола. Часть прихожей была перегороджена большим зеркалом, за которым находилась гардеробная и кладовка по совместительству. Единственная дверь вела из прихожей в ванную комнату с совмещенным санузлом. Обыкновенная ванная комната, удобная, с душевой кабиной, выложенная розовым кафелем, в общем, ничего интересного.

Лика с любовью продумывала и выбирала каждую мелочь для своего дома. Даже незначительную снаружи входную дверь она обила изнутри натуральной белой кожей, сделав ее похожей на молочную шоколадку. Единственным недостатком этой квартиры было то, что она располагалась слишком далеко от института, в котором училась Лика. Добираться на занятия было очень неудобно. Лика записалась в автошколу и через месяц натаскивания на теорию и мучений на тренажере, получила водительские права. Водить машину Лику научил отец еще когда она училась в десятом классе, поэтому обучение закончилось быстро и без проблем. Лика не хотела транжирить деньги, но пришлось «разориться» на приличную машину. Выбор пал на подержанный Опель черного цвета. Надежная, практичная машина, да и людям показать не стыдно. Печально было осознавать только то, что после обустройства комфортной жизни в Москве, у Лики на счете остался всего один миллион. На какое-то время оставшихся денег, конечно, хватит, а что потом? Москва очень быстро съедает и не такие деньги!

Первые два курса в институте были непростым временем для Лики. Деньги, естественно, быстро закончились. Нужно было начинать самой зарабатывать, но как? После занятий в институте Лика бежала в малоизвестную дизайнерскую фирму «Дом мечты», где она подрабатывала дизайнером частных проектов. Лика в душе ненавидела эту фирму, но работа в ней позволяла хоть как-то сводить концы с концами. Местами очень трудно было угодить безвкусным и нелепым пожеланиям заказчиков, но, как известно, «клиент всегда прав».

Мечта Лики о собственном дизайнерском агентстве казалась далекой, как Полярная звезда. Но эта мечта была ее ориентиром в жизни и путеводной звездой. Лика была твердо намерена воплотить в жизнь свои необыкновенные архитектурные замыслы и самой же разрабатывать внутренний дизайн этих странных строений. Для нее богом в архитектуре был Антонио Гауди с его нестандартным подходом к пропорциям и формам, но и подражать ему Лика не собиралась. Она хотела создавать собственные фантастические сооружения, опережающие свое время и шокирующие воображение людей. Но когда же настанет это время творческой свободы? Пока что, Лике приходилось вертеться в тесных рамках фантазий мещан-обывателей. Она не понимала, почему люди достаток и собственную значимость ассоциируют с позолочен-

ным убранством аляпистых гостиных, зеркалами и тяжелой, сделанной под старину, вычурной мебелью.

Сложнее всего Лике было в периоды сессий на заочном. Времени катастрофически не хватало, как и денег, но бросить учебу на дизайнера она ни за что не хотела. С одной стороны, стать всемирно известным архитектором и дизайнером – было ее заветной мечтой и целью в жизни, а с другой – при ее финансовых трудностях было бы преступлением бросать учебу, которая полностью оплачена. Лика не спала ночами, трудясь за компьютером над нескончаемыми учебными заданиями или над заказными проектами. К счастью, на здоровье она никогда не жаловалась. Даже в таких экстремальных условиях ей хватало сил и энергии все преодолевать. Лика за последний год сильно похудела, но это ее нисколько не портило. Просто она перестала быть похожей на себя прежнюю. Куда делось то милое девичье личико и мечтательное выражение сияющих голубых глаз? Лика стала выглядеть по-другому. Не хуже, чем была, но это была совсем другая Лика. У нее появилось совершенно новое выражение мрачноватой жесткости в глазах. На осунувшемся лице ее светлые глаза казались еще больше и притягательнее. Их ледяной блеск завораживал и одновременно, заставлял ежиться, как от холода, даже в жаркую погоду.

Лика нервничала за рулем, опаздывая на экзамен по «Истории мировой культуры». Основания дергаться у нее действительно были. На свою беду, Лика еще в начале семестра безнадёжно испортила отношения с преподавателем.

Трудно даже представить, как разочаровалась Лика, когда в аудиторию вошла сухонькая, сутуловатая женщина лет семидесяти с презрительно поджатыми плоскими губами и колючим, сверлящим взглядом. Она с ненавистью посмотрела на аудиторию и в качестве приветствия сказала:

– Если хотите сдать мой предмет, будете ходить на все занятия, сидеть тихо, как мыши, и не подавать голоса, если вас не спрашивают. Всем понятно или мне повторить для особо одаренных?

Консервативная пожилая женщина, профессор Уткина Елизавета Викторовна, крайне самоуверенно, не терпящим возражения тоном, стала утверждать, что все современные художественные направления являются просто уродством и примитивизмом. Она показывала слайды с шедеврами прославленных живописцев средневековья как некий эталон красоты, гармонии и искусства. Зато различным модернистам, постмодернистам, кубистам, фавистам, и, особенно, сюрреалистам очень не повезло с симпатией многоуважаемой Елизаветы Викторовны. С этим, конечно, ни один здравомыслящий студент спорить не стал. Никто, кроме Лики.

– Сюрреалисты утрированно извращают действительность, – железно уверенным тоном говорила Елизавета Викторовна. – Взять хотя бы Сальвадора Дали. Вы только взгляните на слайды с этими странными изображениями. Вы понимаете, что он хотел сказать? Эти мягкие часы... А пылающая жирафа? Разве человек в здравом уме изобразит такое. Еще при жизни Дали многие считали его сумасшедшим, хотя встречались и те, кто называл его гением. Вопрос остается открытым до сих пор. Лично я ничего гениального здесь не вижу. Чистое сумасшествие!

Терпение Лики лопнуло, когда преподаватель назвала ее любимого художника Сальвадора Дали сумасшедшим.

– Простите, я не ослышалась? Вы всерьез считаете Дали сумасшедшим? – громко крикнула она с места, чтобы быть услышанной в большой лекционной аудитории.

– Кто-то что-то сказал? – пренебрежительно скривившись, спросила Елизавета Викторовна. – Может, вы, девушка, объясните скрытое послание, зашифрованное в картинах Дали? Например, его странные мягкие часы. Что они значат, по-вашему?

– Легко! Во-первых, в искусстве каждый воспринимает любое изображение по-своему. Автор мог иметь в виду что-то совсем другое, не то, что видим мы. В этом одно из преимуществ современного искусства. Но глядя на мягкие часы Дали, невозможно не понимать, что он жил и творил в 30-е годы XX века в условиях гражданской войны в Испании. Мягкие часы – это символ потерявшего смысл и исказившегося времени. Это утрата реальности происходящего, потому что братоубийственная война не может быть нормальной реальностью. Исказился мир, исказилось и время, а часы символизируют изуродованное войной время. Я так это понимаю, – сказала Лика, садясь на место.

– Ну, ты жжешь, подруга! – шепнул обалдевший от ее выходки сосед Лешка.

– Вот попала, дурочка! – со смешком повернулась к Лике сидевшая перед ней девчонка из параллельной группы.

– Есть еще адвокаты у сумасшедшего художника? – туповато пошутила Елизавета Викторовна. – Похоже, подобное тяготеет к подобному. Я рада, что вам импонируют сумасбродные идеи Дали.

– Если творчество великого художника выше вашего понимания, это вовсе не означает, что он сумасшедший, – едко заметила Лика, повергнув в шок насчитывавшую около сотни человек аудиторию.

Как результат, Лика трижды безуспешно пыталась сдать «Историю мировой культуры». На четвертый раз почтенный профессор, мадам Уткина, ее, наконец, «удавила», чему Лика безмерно обрадовалась. Более того, доцент Изольда Германовна, являвшаяся подругой Уткиной, которой Лика сдавала «Историю Европы», завалила ее на экзамене и лишь со второй попытки также поставила «удовлетворительно». Раньше Лика никогда не получала троек, но сейчас ей было не до оценок. Всем было понятно, что Лику проучили за длинный язык, но какое это имело значение? Нужно было просто сдать сессию и освободить время для заработка средств на существование. Не имело никакого значения, что историю Европы и историю мировой культуры она знала намного лучше многих «круглых» отличников. Главное, что Лика закрыла учебный год. Теперь она переведена на третий курс. Впереди лето, а это столько возможностей для новых знакомств, дизайнерских идей и, конечно же, интересных коммерческих проектов. Ведь именно летом большая часть людей благоустраивает свои дома и квартиры, жертвуя отдыхом и семейным счастьем.

Лето пролетело слишком быстро. Лика никуда не поехала отдыхать. На отдых у нее не было ни времени, ни денег. Она колесила по подмосковным дорогам, исполняя заказы клиентов фирмы. Украшение загородных домов состоятельных москвичей уж точно не было пределом мечтаний Лики, но за время каникул она заработала приличную сумму.

Настала осень... Начались занятия в институте. Хотя Лика училась всего лишь на третьем курсе, у нее были серьезные клиенты, которые, в свою очередь, рекомендовали ее, как молодого, талантливого дизайнера, своим знакомым. Те своим, и так далее...

Сейчас Лика трудилась над интересным проектом по оформлению детского кафе в Одинцово. Она полночи делала наброски, прорабатывала различные идеи, чтобы предложить клиентам на выбор три возможных варианта дизайна кафе. Хозяйка кафе – крайне требовательная и наглая женщина, мало что понимающая как в бизнесе, так и в дизайне. Она настаивала на совершенно нелепых вещах, как, например, круглые надувные кресла за столиками. Лика тщетно пыталась объяснить хозяйке, что дети, сидя в таких креслах, будут все просыпать и проливать на себя и вокруг, да и кушать в таком кресле очень неудобно, не говоря уже о том, что проткнуть вилкой такое кресло ребенку одно удовольствие.

– Надувные кресла имеет смысл разместить в игровой зоне, напротив большого телевизора. В таких креслах удобно смотреть мультики, но невозможно кушать, – пыталась убедить упертую заказчицу Лика.

Та обещала подумать и предложила разработать несколько вариантов дизайна. Лика убила на это всю ночь. Голова болела, а глаза закрывались, несмотря на выпитые три чашки кофе. Живя в Москве, Лика отвыкла жалеть себя, заботиться о своем комфорте, сне, полноценном питании. Пока что, природное здоровье со скрипом справлялось с таким темпом и стилем жизни, но ведь и железо гнется. Лике вечно было не до себя. Ей ни мать, ни отец не привили в свое время это незаменимое чувство любви самой к себе.

– Нельзя упускать этот заказ, – сама себе твердила Лика. – Эта нахальная баба сама не знает, чего хочет. Нужно ее как-то уломать. Из трех моих проектов хоть один ей должен понравиться. Деньги ее муж обещал хорошие. Бедный мужик! Чтобы старая зуда от него отвязалась, он нашел ей занятие – это детское кафе. Только, по-моему, головная боль у него из-за этого только усилится.

С этими мыслями Лика вышла из дома. Она уже собралась сесть в машину, когда ее окликнул знакомый голос.

– Лика Сафинова! Уж не соседи ли мы? – спросил голос.

Лика резко, даже как-то нервно обернулась и выдохнула с облегчением. Перед ней стоял ее преподаватель французского и испанского языков из языковой школы, Максим Дмитриевич Кротов.

– Здравствуйте, Максим Дмитриевич! А я сейчас как раз о вас думала. Точнее о задании по французскому, которое я, к сожалению, не успела выполнить. Вы не сердитесь? – спросила она с виноватой улыбкой.

– Конечно нет, Лика. Самое большее, потребуется дополнительное занятие. Ничего страшного, я думаю, – с улыбкой, вежливо ответил Максим Дмитриевич. – Вы приедете сегодня вечером на занятия?

– Конечно, обязательно! Извините, я опаздываю на пару. Препод такой злющий, – улыбаясь, сказала Лика, садясь в машину.

– До вечера! – сказал Максим Дмитриевич, помахав ей рукой.

Лика стояла в пробке и думала:

– Какой интересный мужчина. Не старый и совсем не похож на придурков и маменькиных сынков вроде Ромки. Ему лет тридцать, наверное, не больше, и кольца на пальце нет. Скорее всего, не женатый или разведенный. Интересный мужчина...

В начале учебного года Лика решила, что европейского уровня дизайнеру, каким она непременно хотела стать, необходимо знать несколько языков. Английский она очень неплохо изучила в школе и продолжала изучать в институте. Максим Дмитриевич преподавал в языковой школе. Лика записалась в эту школу на курсы испанского и французского языков, но занятия в группе ей не понравились. Языком и музыкой всегда лучше заниматься индивидуально, однако это стоило на порядок дороже. Пока Лика решила походить на занятия в группу, а дальше видно будет. Максим Дмитриевич умел производить впечатление на молоденьких девушек, ну и иностранные языки, конечно, не плохо знал. Многие девушки приходили на его занятия главным образом для того, чтобы поближе пообщаться с таким интересным мужчиной.

– Приличной девушке почти невозможно встретить нормального, социально адекватного молодого человека. Мужчины постарше кажутся более нормальными, но лишь потому, что научились притворяться и хорошо знают, что вкладывать в уши нам, глупым женщинам, – думала Лика. – Я уже на третьем курсе, а нормальных отношений с мужчиной у меня так и не было. Ромка придурок. Даже вспоминать о нем не хочу.

Действительно, Лика, девчонка, прямо скажем, видная, парни толпой крутятся возле нее, но постоянного парня у нее почему-то нет. Повстречается пару месяцев и разочаровывается. Правда, появился тут один парень с соседней группы, Влад. Он догнал ее после вечернего семинара по философии, стал рассказывать смешные глупые истории, изображал из себя шута.

Парни почему-то думают, что девушкам нравятся клоуны, а девчонки боятся отпугнуть и потерять парня и ржут как последние дуры над каждой сказанной ими глупостью.

Ли́ка такой никогда не была. Что называется «умница-красавица». Обо всем у нее было свое мнение и в угоду кому-то она никогда не строила из себя идиотку. Почему-то именно ее независимость магнитом притягивала к ней парней и вызывала скрытое бешенство подруг, но она всегда была одна. Парни, приятели, подруги – все были поверхностны, фальшивы. Ее настоящую никто не знал и даже не пытался понять.

Влад отличался от остальных парней. Он ни в чем не был похож на прыщавых, пошленьких, озабоченных ровесников. В нем было что-то королевское: взгляд, манера держаться, говорить, круг интересов, эрудиция, интеллект. В то же время, он старался не уступать приятелям в глупости, наверное, чтобы не выделяться из общей серой массы. Ли́ка считала ниже своего достоинства прогибаться под других или кому-то подражать. Она никогда не делала первый шаг в отношениях. «Гордая как Сатана», – говорила ее бабушка, Елена Афанасьевна, и была абсолютно права.

На втором курсе универа Ли́ке понравился один парень – красивый, довольно не глупый, с убойным чувством юмора и легким заиканием. Этот маленький недостаток делал его очень милым и даже забавным. Вокруг таких парней девчонки кружат стайками. Выбирай любую. У нее и без него хватало поклонников, а он не привык стоять в очереди. Интересному парню не нужно добиваться девушку. Девушки сами вешаются на шею. Как говорится, сами все предложат, сами все дадут. На Ли́ку он не обращал внимания. Наверное, именно поэтому, Ли́ке нужен был именно он. Она, вопреки самой себе, стала за ним бегать, строить глазки, зазывать в гости и, в конце концов, добила́сь своего.

Дима, так его звали, не долго радовался их отношениям. После месяца бурного романа и пары знойных ночей Ли́ка абсолютно утратила к нему интерес. Она его даже немного ненавидела в душе. Из-за этого недоумка она унижалась, бегала за ним, поступилась своими принципами и своей гордостью. Ей дико захотелось отомстить ему, втоптать его в грязь, выставить идиотом. Она унижала его перед друзьями, высмеивала, за глаза говорила о нем всякие гадости, даже пустила слух, что он скорострел с крохотным членом.

Наконец, она его бросила. Бедный Дима очень переживал, не понимая, чем заслужил такое наказание. Другие девчонки еще как наплакались из-за него! Одна обещала порезать себе вены, другая бросила учебу и уехала к себе в деревню. С Ли́кой все было по-другому. Она всегда диктовала, что им делать, куда идти и с кем из друзей встречаться. Последнее слово всегда должно было быть за ней. Если ей не перечить, она была очень милой и ласковой малышкой – так, во всяком случае, думал Дима. Что ей было нужно? Ведь он почти любил Ли́ку, покупал билеты в кино, водил ее в ночные клубы, дарил всякие мелочи. У него даже мелькнула мысль бросить университет и вернуться домой в Тверь, но воспоминания об облупленной хрущевке и тесной комнатухе, которую он делил с братом, заставили его поступиться гордостью и остаться в Москве. Ему осталось только ждать, когда Ли́ка найдет новую жертву, все переключатся на нее, а про него просто забудут. Хуже всего было слышать перешептывание сквозь смех и видеть сочувственные взгляды, стоило ему выйти на улицу. Ли́ку травля Димы только забавляла. Так было даже интереснее, чем когда у них был роман.

Другие парни боялись связываться с Ли́кой. Никто не хотел оказаться на месте Димы. Влад перевелся из Питера и не знал ничего ни про Ли́ку, ни про ее несчастных парней. Он был ошеломлен ее дерзкой красотой, независимым нравом и экстравагантным поведением. Ли́ка с Владом быстро стали приятелями, но не более. Он ей слишком нравился, чтобы неудачной любовью оттолкнуть от себя человека, которого больше всего на свете хотелось бы видеть другом. В любовь Ли́ка давно перестала верить, хотя время от времени встречалась с некоторыми парнями. Она хотела видеть возле себя единомышленника, друга, а не банального любовника

с фальшивыми чувствами. На эту роль идеально подошел бы Максим Дмитриевич. Ловелас со стажем... Можно ли найти любовника лучше?

Почему-то в жизни так складывалось, что в одном мужчине никак не могли сочетаться ум, характер, сексуальность, чувство юмора, а, главное, умение быть искренним со своей девушкой. Например, не лгать ей по пустякам. Казалось бы, что может быть проще? Почему честно не сказать, что ты не хочешь идти в кино сегодня вечером, потому что по телевизору в это время футбол? Может они считают девушек непроходимыми дурами, пригодными только для одного? Почему-то даже не имея веских причин для лжи, многие парни лгут. Лгут просто так, на всякий случай. Но ведь это же просто диагноз какой-то!

Лика держала Влада на расстоянии, хотя с удовольствием с ним общалась. Они часами «висели на телефоне», вместе ходили на скачки. Влад обожал лошадей. Все собирались, но до сих пор так и не поехали на конный завод в Подмоскowie. Вместе играли в компьютерные игры, ходили в ночные клубы. В общем, в отношениях было все, кроме романтики. Влад терпеливо относился к причудам Лики. Она даже удивлялась. Нормальный парень от ее не сладкого характера сбежал бы через неделю, ну, максимум, через месяц. А Влад оказался терпеливым и настойчивым. Лике это, с одной стороны, нравилось, а с другой – бешено раздражало. Она что, средневековая крепость, которую можно взять измором, если штурм не удался. Тошнило от одной мысли об этом. Ей не хотелось, чтобы ее завоевывали, добивались, штурмовали или брали на измор, блокадой. Лика мечтала видеть возле себя человека, который не задает глупых вопросов, не пытается мерить ее общими весами, не наклеивает ярлыки. Ликин мужчина должен всего лишь воспринимать ее такой, какая она есть, не пытаться ее изменить, не всовывая ее в узенькие рамки «принятого» и «обязательного» для каждой женщины.

– Неужели никто не сможет воспринимать меня такой, какая я есть? – задавалась вопросом Лика. – Если других девушек любят за премилую глупость, почему меня нельзя полюбить за ум, за характер?

Позвонил Влад. Веселый, как обычно, «красноречивый».

– Лика. Соскучилась? Признавайся! Ты сегодня вечером где залипаешь? – спросил он. – Я собираюсь в «Город Ангелов». Ты ведь не была в этом клубе? Потусим?

– Я занята вечером. У меня занятия в языковой школе. Туси без меня, Владик. Завтра расскажешь, как там. Может вечером вместе потусим. Позвони мне завтра.

Лика нервно отбросила телефон и сосредоточилась на дороге. Непонятно почему, но она злилась на Влада. Уж слишком он идеальный, что ли. Сказала девушка один раз «нет», он больше и не стал настаивать, но и не отходит от нее. Наверное, решил: «куда она денется»? С нормальными парнями так не бывает. Почти год Лика общается с Владом, но так и не поняла, что это за птица. Он что гей? Ни с одной девушкой, кроме Лики, его никто не видел. Но между ними то ничего не было.

– Какой нормальный парень будет год без девушки. У него или взорвется мозг, или будет сперматоксикоз, – раздраженно подумала Лика. – Что-то с ним не так. То ли дело Максим Дмитриевич! И внешне выглядит супер, и такой умный! А как разговаривает!

Лика, конечно, понимала, что с такими мужчинами, как Максим Дмитриевич, никаких серьезных отношений быть не может. Но зато как может быть интересно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.